

Судьба у него счастливая

Теперь это стало традицией. В июле каждого лета, к дню рождения Василия Макаровича, людской поток направляется в Сrostки. Так было в этом летом. Но мне вспоминается совсем недавнее и давнее — июль 1979 года...

В восемь часов утра мы стояли у школы имени В. М. Шукшина. Напротив — здание старой школы, где учился Василий, потом сам учил и директорствовал некоторое время. Земляк из Белокурихи Витя Ащеулов, бывавший здесь часто, повел нас к дому, что готовился через несколько часов стать музеем писателя, актера и режиссера В. М. Шукшина. Дом этот, каменный, пятистенный, Шукшин купил для матери Марии Сергеевны, мечтая и сам когда-нибудь вернуться в него, пожить и поработать за столом со стопкой белой бумаги. Не дождалась Мария Сергеевна этого часа, продала дом, уехала сама в город, а когда дому выпало стать музеем, хозяева уступили его государству.

К Катунь спустились, к камушку, на котором любил сидеть Василий Макарович и думать думушку. Прошли ливневые дожди, и Катунь кипела мутью. Мощная река.

К одиннадцати часам на Пикете собралась тьма народу. Как потом выяснилось, по приблизительным подсчетам, около пятнадцати тысяч. Открылась торговля. Гудел книжный базар, тормозились выезд-

ные ларьки, буфеты, лавки. Играла музыка. По горе бродили известные писатели, смущенно ставя автографы на своих в чужих книжках. Мужики наяривали на гармошках, девки плясали, задоря друг друга забористыми припевами, мальчишки носились телятами, собирая автографы и пустые бутылки из-под газоды. Праздник. Чистая ярмарка. Но вот застучали топоры, завизжали пилы, в момент был срублен деревянный помост, напоминавший лобное место или театральные подмостки, — над ним возник огромный фотографический портрет Василия Макаровича, президиум занял свои места (мое там было тоже), и праздник вступил в свой официальный режим. В президиуме руководители края, района, прозаики, поэты, артисты... Весь народ, прибивший, как по знаку, сел на траву Пикета... без лавок и подстилок... Митинг начался... Василию Макаровичу исполнилось бы в этом году пятьдесят лет, но речи ораторов не пахли юбилейным ладаном. Речи были горькие, страстные, незаготовленные. Один оратор зажатился от другого, и все жарче становилось на Пикете, над которым собирались черные грозные тучи, но никого не напугали они, ни один человек не поднялся уйти. Все ораторы говорили о великом наследии сrostкинского художника. Много говорилось о его трудном пути в искусстве, когда чиновники от кино и литературы долго не принимали его и он вынужден был, скитаясь по общежитиям, пробивать каждый свой сце-

нарий, каждый свой фильм — лбом, «молотком и зубилом».

Один оратор со слезами в горле возмущался выступлением известного писателя, который по Центральному телевидению объявил, что он-де, видите ли, признает Шукшина, но не разделяет нездорового интереса к его творчеству, ажиотажа вокруг его имени. «Книги Шукшина, — кричал с горы в Москву оратор, — продаются в Чите, я видел своими глазами, на макулатуру, по талонам, как Дюма, Стендаля и По, а ваши там лежат и будут лежать, пока их не скупят для той же макулатуры, чтобы купить книгу Шукшина!» Applaudissements. Другой оратор в пух и прах крошил легенду о Шукшине как о некоем мужичке в кирзачах: «Человек, сдавший экстерном за десять классов, преподававший историю и литературу, без усталости читавший и изучавший историю своего народа, дено и ношно занимающийся самообразованием, мало говоривший и много слушающий, лицом и натурой похожий на ту землю, на которой мы присутствуем... Да нет, что вы... Это интеллигентнейший из интеллигентов к моменту создания «Калины красной». Applaudissements. Товарищ из Калининграда сообщил, что одна из улиц города названа именем Шукшина. И так вышло, что она пересеклась с улицей Степана Разина. Долгие applaudissements. Национальный алтайский поэт поведал, как он в разговоре с Василием Макаровичем упрекал его в том, что тот в своих фильмах не пол-

но рассказал об Алтае, не засняв ни одного аборигена (смех, applaudissements)... «а горноалтайцы, — продолжал своим мыслью оратор, — воевали во время войны наряду с украинцами, армянами и другими братьями». Овапия. Гость из Чувашии сообщил собравшимся: «Со всей ответственностью заявляю: на чувашскую литературу самое большое влияние оказали Горький, Маяковский и Шукшин». Смотрел я на людское поле, и стыдно становилось за себя, вот какое дело. Как на углях, сидел я в президиуме, перебирая в лихорадке дни и дела свои. Плохо живу, чего там говорить, мелко, суетно... Надо начинать сначала, не выпендриваться, и главное — ни дня во лжи. «Нравственность — есть правда». Так-то оно так, чего проще. Да только какой писатель скажет о себе, что он врет... В лучшем случае — ошибался, заблуждался... времена... К правде, к познанию ее иметь, однако, надо пророческую волю и Авакумову страсть. А так это все разговоры. Василий Макарович, похоже, был близок натурой к подобным типам... Отсюда и мощь, oprичь работы и дара.

Много было под этими святыми небесами сказано слов точных и прекрасных, мыслей глубоких и важных сказано... Но все они были как бы за упокой, как бы на похоронах... А мы уже на празднике?! Говорилось не для него, конечно (ему ничего уже не нужно, он свое сказал), говорилось, ясное дело, живым и для живых — «хлеб живым, бумагу живым». И это правильно.

Но мне все казалось, что... что-то не то... Вот тут как бы не обидеть кого. Вот до речей, когда пели, плясали, ерничали и какой-то веселым словом вспоминал Макарыча, вот ТО мне казалось сутью чтений... А поминательные речи... что-то, не знаю... Ведь дело-то веселое! И все соскакивало с языка шукшинское:

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем...
Право, нам таким бездельем
Заниматься недосуг.

Суровая доля у писателя была при жизни, но ведь судьба-то у него счастливая! Спор-то с судьбою он выиграл. Кто, извините, из живых и присутствующих не мечтал бы, что вот такая тьма народу по его «крылечкам» пришла поклониться когда-нибудь? Это же какой подвиг для народа надо совершить своим трудом, чтобы такую благодарность заслужить, память подобную по себе оставить! Счастливым он человек, Василий Макарович, ведь тропата не зарастает и не зарастет, пока будет стоять Пикет, метаться в скальных ладоных Катунь. «Дней для скорби у нас в избытке, а праздники редки», — сказала как-то Белла Ахмадулина. А сегодня праздник у нас... и давайте праздновать, а не хмуриться.

Так примерно я думал тогда на Пикете, примерно то и сказал, когда вышел к микрофону и закончил слова песней из времен Степана Разина про млада-ясна сокола, что в опаленной степи с вороньем бился.